

Д.и.н., и.о. зав. отд. археологии и этнографии ССОИГСИ
А.А. Туаллагов

К вопросу об аланской тяжеловооруженной коннице

(по данным археологии)

А. А. Туаллагов

История тяжеловооруженной конницы у ираноязычных кочевников степного пояса Евразии имела достаточно давнюю традицию. Скифы, и прежде всего их знать, могли перенять защитное вооружение во время переднеазиатских походов, а затем усовершенствовать его. Основным оружием боя тяжеловооруженных всадников тогда становятся длинный меч с высоким качеством металла и «штурмовое копье» (2,5–3,1 м). Элементы подобного вооружения отмечаются у савроматов. Для коней скифы используют мягкое седло подушечного типа или простое покрывало. По находкам в конских погребениях золотых, серебряных и костяных пластин предполагают наличие твердых седел с деревянной основой, что представляется сомнительным. Археологические материалы отрицают знакомство скифов и савроматов с металлическими стремянами. Допустимость использования ременных весьма гипотетична.

С IV в. до н. э. тяжелая кавалерия могла составить костяк скифского войска, формируясь не только из знати, но и дружинников, что усложняло тактику ближнего боя, требовавшую больших выучки и дисциплины, чем у обычной конницы. Видимо, именно о тяжеловооруженной коннице сообщали древние авторы, упоминавшие о клинообразном построении скифов (Asclep. Tact. 7, 3; Ael. Tact. 18, 4; Arr. Tact. 16, 6). Возможно, подход таких подразделений имитировал скифский царь Атей в войне с трибаллами. Указанное построение способствовало наиболее эффективному исполнению главной задачи – прорыву строя противника. Однако следует отметить, что всадники, действовавшие в сомкнутом строю, были не столь многочисленными. Их количество ограничивалось не только значительной ценой необходимого вооружения и спецификой поведения коней, но и отсутствием устойчивой посадки всадника, таранящего противника.

Собственную традицию использования в войске тяжеловооруженных всадников имели персы. Сред-

неазиатские массагеты и саки также могли применять металлические доспехи для себя и своих лошадей. Во время вторжения Александра Македонского бактрийские и сакские всадники получили необходимое вооружение из царских арсеналов Дария III. С возвращением скифов из Передней Азии сопоставляют появление нового военизированного этноса (пазырыкская культура) на Алтае, где известны наиболее ранние образцы защитного вооружения. На Алтае представлены находки пластин из кости и рога VII–II вв. до н. э., а самая последняя находка III–I пол. IV вв. н. э. происходит из могильника Кокса III, свидетельствуя о собственной древней непрерывной традиции использования защитного вооружения. Бронзовая пектораль и деревянные поножи обнаружены в I Туэктинском кургане VI в. до н. э. Изображение тяжелого доспеха отмечено на кости из Ак-Тамского могильника в Фергане V–IV вв. до н. э., на бронзовой статуэтке от ритуального светильника из Таласской долины IV–II вв. до н. э., на золотом навершии из Сибирской коллекции Петра I IV–II вв. до н. э. Подобные панцири известны в Чу и Дянь в V–II вв. до н. э. в Китае, на северо-западе которого проживали ираноязычные саки и юэчжи. Концом IV в. до н. э. датируются находки частей панцирного снаряжения из Чирик-Рабата, изображение панцирного всадника на фрагменте керамической фляги из Хумбуз-тепе, защитное вооружение сакского вождя из Иссыка. В сакском доспехе использовались рукава «браслетного» набора (ламинарная структура доспеха известна персам в V–IV вв. до н. э.).

Тяжелый металлический панцирь в законченном виде самостоятельно формировался у сако-юэчжжских племен Центральной Азии в V–III вв. до н. э. На востоке они сражались в среде, где издавна применялся подобный доспех, а также арбалеты и алебардоподобное оружие большой пробивной силы. Вероятная миграция с востока кочевников, в пользу чего говорят монголоидная примесь у погребенных

и появление подбойно-катакомбных погребений в Приаралье, сопровождалась и распространением в кочевнической среде тяжелого доспеха. Со 2-й пол. IV в. до н. э. саки оказываются втянуты в события периода распада Ахеменидского Ирана и македонского завоевания, протекавших на фоне утяжеления персидского доспеха. Они находились и в тесных контактах с ремесленными центрами, прежде всего Хорезмом. Видимо, тяжеловооруженная конница сформировалась у мигрантов из Приаралья – сираков.

Следующий известный этап в истории тяжеловооруженной конницы связан с даями (чирик-рабадская археологическая культура), потомками древних саков. Во 2-й пол. III в. до н. э. она сыграла известную роль при захвате Парфии. Предметы защитного вооружения кроме Чирик-Рабата обнаружены в городищах Ай Ханум, Старая Ниса. Длинные копья всадников изображены на сосудах из Кой-Крылганкала, Калалы-гыр 2, Джанбас-кала, на печати из Беркут-кала. Известны прекрасные качества парфянской тяжелой кавалерии [Just. XI, 1, 2, Plut. Crass. 13–15], чей представитель изображен на рельефе из Британского музея.

Новый этап в развитии тяжелой конницы, видимо, связан с юэчжийской миграцией. Впервые сакский кожаный доспех фиксируется далеко на востоке, где обитали юэчжи. Он был особенно типологически близок парфянскому, так же возникнув в однородной среде сако-юэчжийских племен Центральной Азии. Вооружение юэчжей было заимствовано хуннами. Впоследствии изгнанные хуннами юэчжи достигли Ферганы, захватили Кангюй и Греко-Бактрию, основали государство в Северной Индии. Видимо, с событиями в Кангюе связано сообщение о разгроме сакаравлов и изображение боя тяжеловооруженных всадников на пластине из Орлата.

Свой доспех юэчжи приносят в Бактрию (изображение на астрагале из Кала-и Мира II в. до н. э.). Кушанский доспех изображен на горельефах Халчаяна рубежа н. э., на монетах правителей кушан и индо-скифов, на фрагментах настенной живописи из Дальверзин-тепе. Его прототипы фиксируются достаточно рано у ираноязычных кочевников. Ранее и в бактрийской армии использовали доспех (Ай Ханум). Появление соответствующих подразделений связано не только с передвижением среднеазиатских племен во 2-й пол. II в. до н. э. в результате развернувшихся в глубинах Центральной Азии политических событий, но и с прямым участием в них юэчжей.

Другая группа юэчжей и иных центральноазиатских мигрантов ушла в Восточную Европу (памятники ранних алан «зубовско-воздвиженской группы» в Прикубанье). В них представлены находки за-

щитного вооружения, часть которого была получена в малоазиатских походах Митридата Эвпатора. В сер. I в. н. э. появляется новая волна центральноазиатских алан, оставившая погребения «Золотого кладбища» и у ст. Некрасовской на Кубани, вновь свидетельствующие о наличии тяжеловооруженной конницы. Мы можем говорить о появлении соответствующих традиций вместе с центральноазиатскими аланами (их частью могли быть аспургини) и об их развитии в местных условиях. Панцирь из кожи и костяных или роговых пластин становится известным у сарматов, долгое время служит отличительной чертой алан. Сарматы в чешуйчатых панцирях изображены на колонне Траяна и на арке Галерия. В Прикубанье отмечаются типы шлемов парфян и юэчжей-кушан, а на колонне Траяна – шлем роксолан с бараньими рогами, как у иранских царей.

Кони и всадники там изображены в сплошном чешуйчатом доспехе. Доспех в виде чешуйчатых куртки и штанов был известен парфянам (рельеф из Британского музея). Подобные штаны найдены в погр. № 2 Рошава Драгана, чьи материалы указывают на связь с царством Фарзоя, и, как относимые к последнему погребению у с. Пороги, несут на себе явную печать центральноазиатских традиций. Аналогичный доспех представлен в могильнике у хут. Городского. Наиболее раннее изображение подобных штанов отмечается на аттической вазе Макрона сер. V в. до н. э. Нашивные бляшки на штанах воинов с орлатской пластины имеют параллели на изображениях из Амударьинского клада и на статуях из Хатр. Вероятно, конская броня не была широко распространена у кочевников (возможно, кольчатая и пластинчатая конские катафрактыв обнаружены в г. Краснодаре, в Кехах, в Калиновском могильнике), хотя источники упоминают о броне сарматских всадников и их коней. На стеле Афения катафракта изображена на коне слуги. Возможно, такие всадники, выставлялись в первой шеренге и по бокам группы, т. е. на самом опасном участке, набираясь не среди высшей знати, а среди ее слуг и дружинников.

При компактном построении конницы (Tac. Hist. I, 79) кони задних рядов не должны давить на передних, т. к. в противном случае они сгрудятся массой, начиная беситься, перестают слушаться седоков и расстраивают боевой порядок. Поэтому во все времена отряды тяжеловооруженной конницы имели количественное ограничение. Основной целью организованной тяжелой конницы был прямой удар и прорыв построений врага. Аланы координировали действия отдельных конных эскадронов, умели ходить в атаку поочередно, то отступая, то наступая,

совершать обходной маневр для удара во фланги и тыл противника (Agr. Tac. 44, 1, Ect. 30). Уязвимость с флангов и тыла компенсировалась прикрытием из легковооруженной конницы или пехоты. Тактика прикрытия пехотинцем всадника была давно известна дахам (Curt. VII, 7, 32). В отличие от скифов аланы сделали копейную атаку тяжеловооруженной конницы достоянием не только наиболее физически выдающихся воинов, но придали ей общепринятый характер.

На котелке I в. н. э., найденном у хут. Киляковка в Заволжье, изображена лошадь с седлом с высокими луками. Изображения седел «рогового типа» отмечены на парфянском граффито I в. до н. э. – I в. н. э. из «Здания с квадратным залом» Старой Нисы и на серебряном сосуде из погребения Косика. Жесткие седла присутствуют в раннекушанской скульптуре Халчаяна и на изображениях с орлатских пластин. Остатки деревянного седла обнаружены в погребении сарматского облика I в. н. э. на р. Большой Узень в Западном Казахстане. Такие седла фиксируются около рубежа н. э. в джетыясарских памятниках, в могильнике Ноин-Ула I в. н. э., в Кенкольском могильнике II–IV вв. н. э., позволяя полагать принесение на запад подобной конструкции седла юэчжами. Именно появление такого седла, а не мифическая «сарматская посадка», о которой до сих пор пишут некоторые исследователи, обеспечило копейную атаку катафрактариев, что достаточно аргументированно показал А. В. Симоненко [3, с. 161–166; 4].

Как полагают исследователи, настоящие стремяна в Европе впервые появляются у авар, хотя в Восточной Европе приобретают распространение лишь в хазарское время. Сочетание жесткого седла и стремян позволяло не только крепче держаться на коне, но и наносить сильные рубящие удары с упора, что привело к возникновению настоящего верхового ближнего боя, который в дохазарское время не играл заметной роли в битве. Ременные стремяна впервые отмечаются на рельефе из Матхуры I в. до н. э. Ко II в. до н. э. относятся найденные в Северной и Центральной Индии железные крюки, которые в сочетании с вставками-подножками могли использоваться в качестве стремян, что изображено на кушанской гемме сер. I в. н. э. Таким образом, первые стремяна обнаружены в районах распространения пластинчатых доспехов, связанных с проникновением саков и юэчжей. Полагать весьма позднее появление стремян неверно. Возможно, о более раннем, чем принято считать, времени знакомства со стремянами в Европе свидетельствует речь Либания на смерть императора Юлиана 365 г. С I в. до н. э. у сарматов появляются удила с боко-

выми щечками, столь необходимые тяжеловооруженному всаднику. Они изображены на колонне Траяна.

Археологические материалы и письменные источники свидетельствуют об использовании всадниками длинных мечей. Согласно письменным источникам, катафрактарии использовали длинные двуручные мечи (Tac. Ann. VI, 35, Hist. I, 79). Их значительная ценность, ограниченность количества катафрактариев объясняют редкость таких находок в погребениях. Двуручный хват мог диктовать появление мечей без навершия или перекрестия (либо небольшое). В то же время нельзя усматривать за увеличением длины рукояти меча обязательное использование его для двуручного хвата. Увеличение рукояти могло диктоваться необходимостью наличия противовеса. В таком случае меч мог использоваться и одной рукой, как показано на пластине из Орлата. Впервые длинные мечи без перекрестия с ребром жесткости для увеличения массы и прочности появляются в материалах «Золотого кладбища». Двуручный хват предполагает либо описание всадников без копий, либо демонстрацию следующей фазы боя, когда после удара копьями переходили к рубке мечами, что было несвойственно, например, парфянским катафрактариям.

Считают, что сармато-аланские копьа достигали 4,5 м длины, что не подтверждается археологически. Используемое Аррианом определение *κόβτος*, при явном подражании древнегреческим трактатам, напоминает о том, что наибольшей длины копье (~4,5 м) использовали дорифоры и саррисофоры, а *κόβτος* уступал по длине, будучи на вооружении у контофоров или ксестофоров. Дополнительное крепление копьа, отмечаемое у персидских всадников, усматривают в изображении из пантикапейского склепа 1872 г. Полагали, что всадник мог закидывать повод за пояс, освобождая руки для копьа и сохраняя контроль над лошастью. В устной беседе со мной В.Н. Каминский указывал, что подобным образом поступали казаки. Со своей стороны добавлю, что такой способ управления конем в колеснице для освобождения рук при стрельбе из лука известен еще по древнеегипетским изображениям.

Описание действий сарматов копьем (Val. Flacc. VI, 162, 231–238, Stac. Achill. II, 131–133) не позволяет безоговорочно принять идею о фиксированном креплении копьа. Особая форма наконечника копьа мешала его глубокому проникновению в тело врага, облегчала извлечение, хотя не все формы служили для этой цели. Древки копий изготавливали из ели (Val. Flacc. VI, 236), что подтверждают образцы из «Золотого кладбища» и могильника Мощевая балка. Копье должно было ломаться при пере-

напряжении древкового материала, например когда наконечник застревал в теле или в доспехе врага, или в случае слишком сильного удара, грозящего сбросить седока с коня. Судя по изображениям, всадники удерживали копье руками ближе к концу древка, большая часть которого с тяжелым наконечником (Sil. Ital. Punica. XV, 684) выдавалась далеко вперед, увеличивая там нагрузку, т. е. напряжение древка (смотри изображение аланского воина на сосуде из Косики). Возможно, с помощью специального ремня-петли копье выдергивалось из тела поверженного врага. Он мог использоваться для ношения копья во время похода за спиной или на седле [1, с. 63; 4], препятствовать выбиванию копья из рук всадника в момент удара и служить в качестве подножки при посадке. Римляне так использовали копья с крючком на древке.

Сама экипировка тяжеловооруженного всадника говорит о принадлежности его к особому социальному кругу. В него входила не только знать, но и дружинники. Такое разделение, судя по изображениям, было перенято и армией Боспора. Появление боспорских царей в соответствующем вооружении на изображениях на монетах, как и на монетах кущан, по мнению исследователей, свидетельствует об особой символической роли такого облачения.

Достаточно хорошо известны аланские знамена-драконы. Они имели не только большую демонстративную силу, столь важную для психологии боя, но и способствовали сохранению визуальной связи при построении и во время сражения. По ним могли определять скорость и направление ветра лучники. Способность знамен свистеть могла помогать ориентироваться воинам при потере их из вида. Истоки их появления лежат в Центральной Азии. Возможно, с ними генетически связан осетинский «шест фарна». Предполагается связь подобных знамен с образами Сэнмурва или Ажи-Даххака. Фиолетовый дракон украшал знамя эпического Рустама, чьим историческим прототипом был правитель Сакастана 2-й пол. I в. н. э. из рода Аршакидов. Правители кельтов Британии использовали флаги-драконы, а слово «дракон» было синонимом слову «правитель», что связывают с влиянием языгов. Дракон становится *инсигнией* императора при Нероне (Them. Orot.

XVIII, P 218d–219a, b). Видимо, драконообразные стяги связаны с правителями и должны были выражать соответствующую идею власти. Показательно, что на арке Траяна, на надгробии из Честера, на пластине из Орлата знамена-драконы относятся к атрибутам именно тяжеловооруженных всадников.

Наблюдения за распространением комплекса тяжелой кавалерии позволяют полагать, что он был принесен на запад аланами. Видимо, по недоразумению мне была приписана иная точка зрения [2, с. 286]. Непосредственно от них такие подразделения появились и на Боспоре. Недавно высказанное противопоставление воинских традиций алан, с одной стороны, и сираков, аорсов, с другой стороны, на основании свидетельства Тацита некорректно, т. к. в описании событий 49 г. н. э. (Тас. XII, 14–17) ничего не сообщается о вооружении и тактике сарматов. Со временем воинский опыт и вооружение алан были переняты не только родственными ираноязычными народами, но и армией Боспора.

Панцирь типа изображенного на сосуде из Косики представлен на боспорских рельефах, монетах, в росписях гробниц. Использовались панцири в виде длинной рубахи, обычно с короткими рукавами и разрезом внизу, или укороченной без разреза и с разрезом, легкие панцири в виде кафтанов с металлическими бляхами и поясом, среднеазиатские длинные пластинчатые панцири с коротким рукавом, с воротом и без ворота (склепы 1841 г., 1872 г., 1873 г., Анфестерия, монеты Савромата II и Рескупорида III, рельеф Трифона, стелы Матиана, сына Заидара, и Афения и Юлия Патия, граффито из Илурата). Пластинчатый панцирь фиксируется на изображении из аланского погребения в Кобяково. Шлем, изображенный в склепе 1841 г., считают хорезмийским. На стеле Афения изображена короткая чешуйчатая конская катафракт. Жесткие седла представлены на изображениях стелы Юлия Патия, склепа 1872 г., стелы Матиана, сына Заидара. Изображенные седла на стеле Аполлония и Антипатра, сыновей Панталеонта, сравнивают с изображениями Парфии и храма Баалшамина в Сиа. Появляются крупные кавалерийские кони из Средней Азии, обеспечивавшие необходимые скорость и силу удара катафрактария.

Литература

1. Нефедкин А. К. Под знаменем дракона: Военное дело сарматов во II в. до н. э.–V в. н. э. – СПб.: Петербургское Востоковедение. – М.: Филоматис, 2004.
2. Нефедкин А. К. Несколько «катафрактных» вопросов // Исследования по истории и историографии России и зарубежных стран. Сборник научных статей, посвященный 60-летию исторического факультета. – Ставрополь, 2004.

3. Симоненко А. В. «Сарматская посадка» – историческая реальность или исторический миф? // Третья Кубанская археологическая конференция. ТД.– Краснодар–Анапа, 2001.

4. Симоненко А. В. Некоторые дискуссионные вопросы современного сарматоведения // <http://www.xlegio.ru> (28. 12. 04).